

МАЛЕНЬКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

*Почему шестеро патриотически настроенных
юношей решили убивать полицейских*

В июне 2010 года новости из Приморского края можно было перепутать с событиями на Северном Кавказе: серия нападений боевиков на полицейские посты, интернет-обращение к русскому народу, штурм здания в самом центре Уссурийска... Не успели правоохранительные органы нейтрализовать приморскую банду — по аналогичной тревоге была поднята полиция Новгородской области и Пермского края. И все это на фоне горячей поддержки местного населения и чуть ли не аплодирующего интернет-сообщества. Что это: разовая аномалия или начало опасной эпидемии? Корреспонденты «РР» побывали в Приморье и попытались ответить на эти вопросы.

— Когда раздались первые выстрелы, я этому значения не придавала, — говорит баба Клара Голевич, жительница дома № 73 по улице Тимирязева, с которого только что сняли оцепление. — Я ведь туговата на ухо, думала, это кто-то молотком в стену стучит, гвоздь забивает. Потом гляжу: кошки мои волнуются, бегают, орут. Тут я поняла: что-то не то. Смотрю в окно, а там под деревом какой-то мужик сидит

и из ружья стреляет. Я ему кричу: «Ты что же это, подлец, делаешь?! Сейчас полицию позову!» А он мне: «Бабушка, убери голову! Мы из твоего дома бандитов выбиваем!»

Партизанский беспредел

Штурмом трехэтажного жилого дома в самом центре города Уссурийска закончилась первая в новейшей истории России операция по нейтрализации боевиков нового типа, не имеющих никакого отношения к привычному уже кавказскому подполью, но взявших на вооружение его методы борьбы.

По версии следствия, первое нападение на полицейских было совершено преступниками еще в феврале этого года во Владивостоке. С наступлением весны бандформирование активизировалось, переместившись из больших городов в сельскую местность. К своей «партизанской войне» преступники тщательно подготовились: они ездили и снимали на видеокамеру РОВД и опорные пункты по всему краю, наносили на карту маршруты полицейских патрулей — все это позже будет обнаружено в их схронах, разбросанных по тайге. Тактику ведения боевых действий «лесные братья», судя по всему, тоже позаимствовали у кавказских боевиков: короткие вылазки из леса, на прицеле исключительно люди в полицейских погонах, добыча — огнестрельное оружие. Результат — двое убитых и четверо раненых.

Попутно преступники совершали мелкие грабежи и угоны машин у мирного населения, оправдывая это необходимостью дальнейшего ведения освободительной борьбы. Руководитель УВД Приморского края Андрей Николаев в своем официальном обращении подчеркнул, что целью бандитов было исключительно обогащение за счет преступной деятельности. Но на месте событий отчетливо понимаешь, что это не совсем так.

— Мотивы преступников установят следствие и суд, но лично я считаю, что за их действиями стояла не столько

жажда наживы, сколько идеология, — это слова и. о. начальника Уссурийского РОВД полковника Мамеда Терчиева, сказанные им в разговоре с корреспондентом «РР» через полчаса после нейтрализации банды. Квартиру в доме № 73 по улице Тимирязева боевики арендовали накануне штурма. К тому времени их осталось четверо: Андрей Сухорада (Сухарь), Александр Сладких (Кислый), Владимир Илютиков (Лютый) и Александр Ковтун (Саня). Еще двое — Роман Савченко (Сова) и Максим Кириллов (Макс) — были задержаны несколькими днями ранее.

Преступников в новых арендаторах опознал сосед, который и сообщил об этом в РОВД Уссурийска. В ходе короткого боя никто из боевиков не пострадал, легкие ранения получили двое сотрудников полиции. Затем началась длительная осада с участием ОМОНа и спецназа. Что происходило в это время у самих осажденных, «РР» рассказала адвокат одного из бандитов Татьяна Уварова, которая после ареста успела поговорить с ним лично:

— Они решили живыми не сдаваться. Но кончили жизнь самоубийством только двое: Андрей Сухорада и Александр Сладких. По их просьбе это было заснято на телефон, следствие располагает видеозаписью. Владимир Илютиков и Саша Ковтун застрелиться не смогли. Тогда они решили по обоюдному согласию убить друг друга, но ни у того, ни у другого рука не поднялась.

Первым к полиции вышел Илютиков. Чтобы уговорить сдать последнего «партизана», Александра Ковтуна, к осажденному дому привезли его мать Татьяну и брата Вадима и их адвоката Татьяну Уварову. Они согласились участвовать в переговорах при условии, что по Александру не будет открыт огонь на поражение. Юрист Уварова когда-то проходила курсы по пресечению суицида и знает, как уговорить человека, находящегося в пограничном состоянии, принять единственно правильное решение.

— Главное было вселить в него уверенность, что его ждет справедливый суд, — говорит Татьяна Уварова. — Поэтому я первым делом добилась от полковника Мамеда Терчиева гарантий, что мне в дальнейшем не будут препятствовать в осуществлении защиты моего клиента. Он дал слово офицера и повторил его в присутствии Саши, когда тот вышел на балкон для переговоров. Но уже вечером того же дня я убедилась, что это была обычная полицейская хитрость. Прорываться к своему клиенту мне пришлось с боем — сначала передо мной просто захлопнули дверь. Сейчас, насколько я знаю, Сашу хотят переместить в пресс-хату, где люди обычно сознаются во всем, что было и чего не было. Я, конечно, понимаю эмоции оперов, но слово офицера все-таки надо держать, иначе в следующий раз никто сдаваться не будет и придется рисковать жизнями своих сотрудников.

Корреспонденты «РР» наблюдали за переговорами из-за оцепления, но даже нам было видно, что Ковтун вел себя вызывающе спокойно. Если бы не БТР внизу, можно было подумать, что человек вышел на балкон покурить. Сначала он сбросил вниз один темный предмет — пистолет, потом еще один, затем белую майку. В тот же момент по рации человека из оцепления прозвучало слово «захват». По толпе местных жителей пробежал вздох разочарования.

— Дураки! Накрошили каких-то мелких пэпээсников и даже погибнуть по-настоящему не смогли. Обратились бы ко мне, я бы сам им составил список, кого давно убить пора, — прошипел у меня над ухом высокий человек. В галстук.

Ментовской беспредел

Приморье действительно обозлено. После введения заградительных пошлин на иномарки и ограничительных мер на мелкую приграничную торговлю с Китаем зарплаты упали в полтора-два раза, а экономика заметно криминализировалась.

Незаконная вырубка леса и наркобизнес — вот наиболее доходные виды деятельности на приграничных с Китаем территориях. Разница лишь в том, что в одних районах этот бизнес контролирует криминал, а в других — правоохранительные органы.

Кировский район традиционно считается «красным»: им фактически управляет РОВД. Именно в поселке Кировский выросли все шестеро «приморских партизан». Они учились в одной и той же школе, тусовались в неблагополучном микрорайоне Мелиоратор, затем взялись за ум и стали ходить в центр допризывной подготовки «Патриот». Некоторые СМИ поспешили обозвать этот клуб чуть ли не скинхедовским подпольем, но это не так. «Патриот» — абсолютно легальное муниципальное образовательное учреждение с двадцатилетней историей, из разряда тех, которыми обычно гордятся местные власти. Сегодня в нем состоит более тысячи человек: заниматься в «Патриоте» престижно. Парни и девушки обучаются здесь кикбоксингу, армейскому рукопашному бою, раз в год выезжают на сборы в полевых условиях со стрельбами и спецподготовкой.

— Я этих ребят однозначно осуждаю, — говорит руководитель клуба Александр Чебанюк, ветеран чеченской войны, кавалер ордена Мужества. — Это преступники, которым нет оправдания. Они дискредитировали дело, которым мы занимаемся столько лет. То, что мы якобы учили здесь ненависти к государственному строю, — это бред. Это невозможно хотя бы потому, что местное РОВД на семьдесят процентов укомплектовано выпускниками «Патриота».

И это абсолютная правда: в «Патриоте» ненависти к правоохранительным органам бандитов действительно не учили. Этому их учили сами правоохранительные органы.

— Мы приложили титанические усилия, чтобы вытащить их из грязной мелиораторской подворотни и поставить на верный путь, — вспоминает Юрий Ивашко, человек с арбузными плечами и боцманской грудью, бывший учитель НВП,

основатель «Патриота», а затем глава района. — Но мы уже тогда предупреждали наших полицейских: не загубите благое дело. С молодежью надо быть не только ментом, но прежде всего дипломатом.

Из шестерых преступников неоднозначной оценки местных жителей удастаиваются только двое: Андрей Сухорада и Александр Сладких. Первый действительно был замечен в националистических взглядах. При этом все отмечают, что он был очень начитан, обладал даром убеждения — даже учителя в школе заслушивались. Второй вырос в неблагополучной семье, но достиг больших успехов в боевом искусстве и физической подготовке. На него равнялись, именно «Патриот» писал ходатайство в военкомат с просьбой направить Сладких служить в спецназ ГРУ. Почему он оттуда дезертировал, никто сказать не может, но все сходятся на том, что такие люди не могут стать жертвами неуставных отношений. Кстати, самовольно оставив часть, Александр многие месяцы находился в Кировском, свободно перемещался по поселку, но никаких вопросов к нему у правоохранительных органов не возникло.

Именно эти двое, по всеобщему мнению, и могли стать лидерами незаконного вооруженного формирования. Один идеологическим, другой силовым. Но это не значит, что остальные были ведомыми.

— Они все были ребятами волевыми, умными, с крепкими нервами, — считает один из друзей Александра Ковтуна, пожелавший остаться неизвестным. — Саня, например, с тринадцати лет охотник, в пятнадцать завалил медведя. Никто из них не пил и не курил. И главное — они не прощали обид.

А обиды не заставляли себя ждать. Практически все участники банды так или иначе пострадали от неуставных отношений с правоохранительными органами. Все нижеперечисленные случаи мы попросили опровергнуть в Кировском РОВД и в УВД Приморского края. Ответом было категорическое молчание.

Первый разряд шоковой терапии будущие преступники получили два года назад — возможно, именно он и объединил их позже по признаку ненависти к полиции.

— У нашего РОВД есть так называемый малый состав, — продолжает мой анонимный собеседник. — Что-то вроде агентов — пацаны, которые сотрудничают с полицией. Как правило, начинающие бухарики, которые под прикрытием ментов наглеют. Однажды у нас с ними вышел конфликт — мы забили стрелку, на которую они явились при поддержке полиции. Пришлось спасаться бегством. Мы укрылись в гараже одного из наших ребят. Они ворвались туда и избили нас до полусмерти, тот же Сухорада два месяца в больнице лежал. Потом еще таскали нас на допросы с пытками, возили на речку, били. Родители написали заявку в прокуратуру, но дело спустили на тормозах.

Помимо «гаражного дела» почти у всех будущих бандитов с каждым месяцем увеличивался личный счет к своему государству. У Романа Савченко, по признанию его отца Владимира, от пыток в полиции умер старший брат.

— Сам Рома ушел в лес после того, как 22 мая в Кировском РОВД его подвергли допросу с применением пыток, по подозрению в краже, — рассказывает отец. — Позже подозрение не подтвердилось, но от обиды Ромке окончательно снесло голову.

Наиболее показательной выглядит биография Александра Ковтуна — того самого, который сдался последним.

— Он с детства мечтал о военной карьере, целенаправленно готовился к ней, — рассказала нам его мать Татьяна, которая работает секретарем-делопроизводителем в местном суде. — Но не прошел по медицинским показаниям, поступил во владивостокский рыбо-промышленный колледж просто потому, что все друзья туда поступали. Однако мечту о настоящей мужской работе Саша не похоронил: он усиленно занимался спортом, не пил, не курил. Все изменилось после того, как однажды во Владивостоке он попал в Первореченское РОВД.

— Как он сам мне говорил, его задержали после футбольного матча за мелкую драку, а в полиции стали требовать признания в том, что он якобы скинул с моста какого-то корейца, который погиб, — продолжает рассказ брат Александра Ковтуна Вадим. — В комнате, куда его привели, за столом сидели несколько человек, пили водку. Сначала его закармлили подзатыльниками до сотрясения мозга: за каждое «нет» — удар по голове. Потом прикатали в комнату покрывку от какой-то большой машины, засунули его туда и стали по очереди на ней прыгать. Seriously повредили позвоночник, из-за чего на мечте о настоящей мужской профессии пришлось окончательно поставить крест. Признания все равно не добились. Сашку отпустили, убийцу потом нашли. Но в тот момент в нем как будто что-то надломилось.

Наш разговор с Татьяной и ее сыном происходит в больничной палате. Вадим лежит здесь с сотрясением мозга и серьезным повреждением почки — результат допросов с пристрастием, на которые во время поисковой операции затаскали всех друзей и родственников боевиков. Вадим далек от «Патриота», как китайский еврей, — он железнодорожник, в 24 года дослужился до и. о. начальника станции Кабарга. Теперь его карьера под угрозой. Вадим лежит на больничной койке и о чем-то напряженно думает.

Человек Шукшина

Село Ракитное Дальнереченского района, в котором «партизаны» пролили первую кровь, расположено в 70 километрах от асфальта. Проселочная дорога лавирует между сказочных сопок и крепких деревень, в которых не видно ни одного пьяного, из которых — честное слово! — люди никуда не уезжают просто потому, что любят свою родину по-настоящему. Вдова Инна Карась, урожденная Фрейман, — из рода первых немецких поселенцев, которые сто лет назад и основали Ракитное. 27 мая в 3 часа ночи она вдруг открыла глаза и целый час

курила: не могла уснуть. Как потом выяснилось, именно в это время убивали ее мужа.

Когда слушаешь отзывы о погибшем Алексее Карасе, невольно вспоминаются ветхозаветные слова о некоторых свойствах Божьей кары. Древние полагали, что если Господь хочет сокрушить грешника, то обрушивает возмездие не на него самого, а на самого невинного из его близких. А грешнику остается лишь казнить себя всю оставшуюся жизнь — что может быть страшнее?

Старшина Карась был человек тихий, упрямый и маниакально честный. Заядлый охотник, он мог неделями пропадать в тайге, причем обязательно с лицензией в кармане. Любимое выражение — «без проблем». На свою будущую жену запал, потому что при знакомстве она сказала ему: «Стоп! Ближе двух метров не подходи!»

— Ухаживал он некрасиво, по-честному, как все скромные люди, — улыбается Инна, и эта улыбка не кажется противостественной. Улыбались вообще все, кто в нашем присутствии вспоминал о Карасе. — Когда мы с ним в первый раз одни поехали в город за покупками, он меня насмешил: вырядился в какую-то брежневскую рубашку и брюки клеш — сам он нарядной одежды не держал, пришлось у отца позаимствовать.

Карась был костью в горле у местных черных лесорубов, но даже они не могли на него злиться. Когда другие полицейские ловили кого-нибудь и отказывались от взятки, им так и говорили: «Если бы ты был Леха Карась, я бы слова тебе не сказал. А так ты тварь поганая, потому что сегодня тебе нужна галочка, а завтра ты снова будешь карманы набивать».

Алексей пришел в полицию сразу после армии, работал сначала в ППС, потом в ДПС, затем — характерный факт! — добровольно ушел с коррупционно емкой должности и стал обычным полицейским водителем: просто не любил суеты. Под нож его подвела безотказность.

В ту ночь он дежурил в территориальном пункте вместо друга, который ушел в отпуск. Оружия при нем не было.

В Ракитном вообще все полицейские без стволов, потому что своей оружейной комнаты нет, а если по инструкции, то надо каждое утро ездить за 80 километров в Дальнереченск, чтобы взять оружие, и столько же вечером — чтобы сдать. «Лесные братья» нанесли ему 22 ножевых ранения. Забрали полицейскую форму и зачем-то ящик с гаечными ключами.

Сначала районные опера расследовали это дело как обычную бытовуху: под подозрение первым делом попали жена и коллеги. Но у одного из местных полицейских оказались связи в Москве. Он позвонил, и оттуда дали команду оставить ребят в покое и допустить их до следствия. Только после этого дело «приморских партизан» сдвинулось с мертвой точки: друзья покойного выяснили, что убийцы ездили накануне по поселку на темно-синем джипе, свидетели составили их фотороботы, потом возникла версия об убийцах за идею, и начали трясти патриотические организации края.

Хоронили Карася как президента. Село в этот день вымерло: все до единого ушли на кладбище. Поминальный стол накрыли на 180 человек.

— В последнее время, когда по телевизору часто наезжали на ментов, Леша говорил: «Надо валить из этой профессии». Он вообще не был ментом по призванию. А я как раз всегда мечтала работать в полиции. Но когда он это слышал, то спокойно так говорил: «Только через мой труп».

Так и получилось. Да, Инна скоро наденет полицейскую форму. А сейчас она воспитатель в детском приюте. К тем, кто делает из приморских мстителей героев, вопрос один: вы готовы убить Инну Карась?

Профессиональные соображения

Все говорят: «Гражданская позиция! Гражданская позиция! У журналиста должна быть гражданская позиция!»

В некоторых жанрах журналистики она, наверное, действительно должна быть. Например, в публицистике. А в репортаже — ни в коем случае.

Репортер с ярко выраженной гражданской позицией — это бракованный репортер.

Если вы собираетесь ехать в командировку лишь для того, чтобы проиллюстрировать свою заведомо сформированную точку зрения на происходящее, то вы должны понимать: это пройдет один раз, второй, но не пятый и не десятый. Репортер с предсказуемым видением окружающей действительности очень скоро становится неинтересен. Но дело даже не в этом. Дело в том, что незыблемая гражданская позиция репортера — это готовая почва для лжи.

Одно время мы работали в «Общей газете» вместе с хорошим репортером Вадимом Речкаловым. Это было еще во время первой чеченской войны. Вернувшись в очередной раз из командировки, он рассказал, как познакомился с одним удивительным боевиком — вполне интеллигентского происхождения. Вадим его спросил: «Как же так — ведь ты читал Достоевского, Толстого, Чехова. А теперь людей убиваешь...» На что удивительный боевик ему ответил так: «Настоящий мужчина должен уметь сбрасывать с себя культуру».

Взгляд, конечно, варварский, но отчасти верный — во всяком случае, если спроецировать его из искусства убивать на искусство делать репортажи.

Настоящий репортер должен уметь сбрасывать с себя свою гражданскую позицию. На задание нужно каждый раз идти как в первый раз и быть готовым к любому повороту сюжета. Гражданская позиция у репортера должна быть одна — маниакальное стремление понять происходящее. Любая другая гражданская позиция в его положении аморальна, как бы красиво она ни выглядела на рынке гражданских позиций.

* * *

А теперь внимание, начинается сеанс саморазоблачения.

Соколов-Митрич не является смелым журналистом, никогда им не был и даже не стремится им стать.

Соколов-Митрич не планирует быть убитым или избитым, не мечтает попасть в плен или сесть в тюрьму и даже не хочет под аплодисменты прогрессивной общественности сбежать за границу.

Соколов-Митрич вообще считает, что, если у журналиста регулярные проблемы с физической или юридической безопасностью, значит, что-то не то с самим журналистом.

Ну и наконец — контрольный выстрел по собственной репутации. По такому случаю даже стоит перейти с третьего лица единственного числа на более привычное — первое.

Меня достала — и как редактора, и как читателя — вся эта «журналистика смелых», мания баррикадного величия, эпидемия мнимого профессионального мужества, охватившая в последнее время медиарынок.

С настойчивостью попрошаек от меня требуют, чтобы я покупал и употреблял все эти пустые, банальные, но зато героические слова. С какой стати?! Как и на любом другом рынке, мне нужен продукт с прибавочной стоимостью. Смелость — это не продукт. Даже на войне нет спроса на голую смелость, а в мирной журналистике и подавно.

Вот смотрите — я захожу в автосалон. Выбираю машину. Ко мне подбегает консультант и начинает активно предлагать новую модель. С виду вроде ничего, но в ходе тест-драйва выясняется, что руль у нее без гидросилителя, двигатель слабый, в подвеске уже что-то громыкает, а подушки безопасности вообще отсутствуют. Но в ответ на мой вежливый отказ консультант вдруг впадает в героическую обиду: — Вы что, не в курсе, что эту машину сделали на том самом заводе, который в прошлом году объявил всеобщую забастовку?! Это же было событие всероссийского масштаба! ОМОН приезжал, президент топал ногами, главы ведущих государств мира выступили с заявлениями в поддержку забастовщиков!

— Разве это значит, что я должен ездить на плохой машине? — робко интересуюсь у консультанта. — Да вы просто бессовестный человек! Таких, как вы, надо вообще лишать прав на вождение. Вон из нашего автосалона!

Абсурд? Но на медиарынке происходит ровно это.

Острейший дефицит журналистских компетенций на фоне перепроизводства пустопорожнего мужества. Тысячи начинающих, продолжающих и даже матерых коллег по цеху пытаются втюхать аудитории свою смелость — мнимую или реальную — в качестве уникального продукта. И страшно обижаются, когда выясняется, что аудитория не дура.

Подлый читатель смеет требовать от журналиста не героизма, а труда. Сбегать, дозвониться, достать востребованного ньюсмейкера, поймать эксклюзив, провести реальную аналитическую работу, напрячь хоть немного свой ум и талант, а главное — искренне исповедовать принцип «ты для аудитории, а не аудитория для тебя». Даже публицистика вовсе не лужайка для выгула собственной карликовой смелости. Помимо сокровенного знания о том, что наша страна самая вонючая в мире, и вот вам, пожалуйста,

очередное тому доказательство, аудиторию волнуют еще тысячи жизненно важных тем.

А смелость... Ну что смелость... В некоторых случаях это всего лишь способ доставки реального журналистского продукта. Но чем реальнее продукт, тем больше других способов доставки и меньше потребности в смелости.

Обыкновенное чудо.

* * *

Чтобы правильно работать со словом, надо уметь молчать.

Не в смысле чего-то утаивать, недоговаривать или бояться, а просто — уметь правильно молчать. Как правильно дышать.

Вот попробуйте во время какой-нибудь бурной дискуссии или на дружеской шумной вечеринке просто взять и пять минут ничего не говорить. А лучше десять. Вы обязательно почувствуете, что я имею в виду.

Молчание — гораздо более эффективный метод познания, нежели говорение.

Если вы научитесь правильно молчать, вы сами поймете, когда репортеру нужно молчать, как и сколько.

* * *

«Вот занесешь пальцы над клавиатурой, уже хочешь что-то высказать по поводу — а потом думаешь: “Ну его, лучше промолчу”. И слышишь, как за спиной ангел-хранитель отчетливо вздыхает с облегчением».

Это из блога Сергея Худиева, писателя, публициста. Таких высказываний в интернете все больше. Вот еще одно, журналист Анна Айвазян:

«Трясет от колонок, трясет от сплетен, трясет от ожидания краха и ожидания неожиданного. Хочется спрятаться в маленьком зале в исторической библиотеке, вдыхать запах дубовой мебели и ветхих книг, которые рассказывают о тех временах, когда в мире еще было достоинство».

Сегодня у нас в стране культ говорящего человека. И как любой культ, он снабжает своих адептов лишь сладкой энергией саморазрушения.

Почему популярный актер должен давать публичные советы о том, как бороться с терроризмом? На основании каких знаний и компетенций великий писатель земли русской выносит заочный приговор сирийскому президенту? Сколько дней и ночей провел ведущий гламурного ток-шоу

за анализом ситуации в стране, чтобы потом ответственно заявить, что она катится в пропасть? И почему, когда мне задают вопрос «Как вы оцениваете политику России в Чечне?» и я отказываюсь отвечать, на меня смотрят с высокомерным сочувствием: «Ну да, конечно... Вы не можете себе позволить откровенные высказывания...»

Да могу я себе позволить откровенные высказывания! Но я, во-первых, никогда не был в Чечне. Во-вторых, я не изучал эту тему даже на уровне журналистского исследования. А в-третьих, едва ли сегодня в России найдется больше десятка человек, которые обладают всей полнотой информации по этому вопросу и достаточно беспристрастны, чтобы выносить ответственные суждения.

Среди многих естественных прав человека, в которых мы регулярно отказываем окружающему нас человечеству, — право хранить молчание. У нас вообще какое-то извращенное представление о простом человеческом «не знаю». Со времен Грибоедова воздержание от суждения и осуждения является признаком подлости. «Молчалины блаженствуют на свете!» «Возненавидим воздержавшихся!» «Промолчи — попадешь в палачи!»

Между тем все религии мира, все народные мудрости мира и даже такая сомнительная наука, как психология, свидетельствуют: молчание — это безотказный метод душевного оздоровления. И наоборот, перепроизводство слов — признак серьезной болезни, которая способна довести человека и общество до реального безумия. Чтобы уметь говорить, надо сначала научиться молчать. По крайней мере, так считал Пифагор, который заставлял своих учеников провести три года в полном безмолвии, прежде чем вступать в его общину.

Теперь, когда единственная преграда между человеком и его высказыванием — это кнопка «опубликовать», ловушка многословия стала еще опасней. Лишние слова не только иссушают мозг и душу, они еще отнимают у человека репутацию, друзей, родственников, профпригодность. Каждое безответственное суждение порождает еще десять — плодятся мифы и иллюзии, преумножается градус всеобщей ненависти, публичное пространство страны превращается в какую-то массовую оргию каннибализма.

Писать это соображение особенно трудно. Мешает сопротивление логики: если ты жалуешься на вирус словоблудия, почему бы тебе для начала не заткнуться самому. И сказать в оправдание мне решительно нечего, кроме одного...

Впрочем, ну его — лучше промолчу.

* * *

Старайтесь вообще поменьше торчать в соцсетях. Советую это исключить из профессиональных соображений. Соцсети очень сильно искривляют зрение, тормозят рабочую активность и постепенно убивают в журналисте инстинкт здравомыслия, превращая его в дешевого словоблуда.

Это уже не говоря о том, что соцсети легко загоняют человека в депрессию. Причем независимо от содержания френд-ленты. Пусть там даже будет один сплошной позитив. Вы никогда не пробовали травить анекдоты в большой компании? Или даже просто читать их в сборнике. Вроде каждый анекдот сам по себе поднимает настроение, но уже через 30–40 минут такого чтения в душе — полная опустошенность. Между тем хорошее кино можно смотреть часа три — и не устанешь. А качественная художественная литература и вовсе читается взахлеб сутками. В чем дело?

Дело в том, что и сборник анекдотов, и фейсбучная лента — это бесконечная череда коротких, но сильных эмоциональных разрядов, разрозненных по смыслу. Мозг вынужден через каждые 30–20–10 секунд перестраиваться, заново фокусировать на новом объекте внимание, и только он это успевает сделать, как тут же получает новый эмоционально-смысловой разряд. Инстинктивно наш рассудок пытается выстраивать между этими элементами причинно-следственные связи — и не может. Потому что никакой причинно-следственной связи в этом потоке нет. В результате — стресс, единственным лекарством от которого становится следующий разряд. И так до бесконечности. Пока ты листаешь эту пеструю ленту, тебе хорошо. Как только ты выходишь из нее — помрачение ума и паралич воли. Постепенно сознание отвыкает строить длинные умозаключения и начинает лишь рефлекторно реагировать: «Мразь!», «Ватник!», «Фашист!», «Мракобес!»

Идем дальше. Соцсети вообще, а фейсбук особенно сильнейшим образом радикализуют сознание. Вы, наверное, заметили, что лента в нем формируется как-то непонятно: что-то от ваших друзей туда попадает, а что-то нет, одни френды там светятся регулярно, а других неделями не дождешься. На самом деле ничего странного нет: фейсбучная машинка просто учитывает ваши собственные лайки и формирует ленту согласно выраженным предпочтениям. Чем больше вы лайкаете котиков, тем больше в вашей ленте будет котиков; чем чаще вы лайкаете антипутинские воззвания, тем больше у вас перед глазами будет антипутинских воззваний; чем охотней вы поддерживаете лайком националистический зубовой скрежет, тем больше в вашей ленте будет националистического зубового скрежета. Соцсеть ведет вас по длинной пещере, вход в которую вроде был широким,

но чем дальше вы по ней продвигаетесь, тем уже она становится, и вот уже приходится нагибаться, а потом на карачках, а потом ползком.

Разумеется, за всем этим нет ничьей персональной злой воли. Просто так устроен алгоритм. Более того — собственному зомбированию изо всех сил помогает и сам зомбируемый. В какой-то момент вы начинаете с большим энтузиазмом расфренживать всевозможных инакомыслящих — чтобы своими постами и статусами не мешали думать единственно правильным образом. В лучшем случае это не сильно отражается на отношениях друзей в реале, но чаще всего очень даже отражается. Надо ли говорить, что соцсети вообще и фейсбук особенно являются сильнейшим генератором ссор и вражды. Отсекая всю «лишнюю» информацию, жертва собственными руками возвращает вокруг себя среду, которая убивает критическое мышление. Все, теперь он беззащитен перед манипуляциями.

Не удивительно, что в последние годы в обедненной информационной среде социальных сетей расплодилось огромное количество откровенной дезы. Запускают ее туда специально созданные под это дело квазиинформационные ресурсы, называть которые я даже не буду, чтобы не делать им лишней рекламы. Причем, в отличие от гнусного зомбящика, который старается не пропускать в эфир хотя бы стопроцентную лажу, здесь речь идет о запредельно наглom вранье. Расчет на то, что мы с вами, находясь в состоянии шока, успеем нажать лайк или перепост. А глядя на нас, то же самое сделают люди, которые нам верят и нас уважают. Ведь одно дело Киселев с рогами и копытами и совсем другое — лучшая подруга, университетский преподаватель, прогрессивный политик, заподозрить которого в неискренности невозможно. И пока найдется разумный человек, который объяснит нам, что мы идиоты, пока мы успеем удалить свой глупый перепост — эффект от него будет уже необратим, деза по цепочке доверия умчится за горизонт. А там уже пошла следующая деза. За ними, конечно, следуют опровержения, но осадочек остается навсегда.

Среди своих друзей я уже знаю как минимум двоих фейсбучников со стажем, которые лет пять назад убрали зомбящик в кладовку, а недавно вдруг снова достали. Один из них объяснил свой поступок так: «Вот все говорят: мракобесие, мракобесие. Мне это слово всегда нравилось, красиво звучит. Вот только я не мог понять, что же оно означает. Теперь понимаю».

* * *

За двадцать лет своей карьеры я так и не запомнил, что 13 января — День печати, не вступил в Союз журналистов и только совсем недавно наконец

понял разницу между журналистикой и пропагандой. Она, оказывается, очень простая.

Разница в том, что в стране, где существует реальная журналистика, никогда не случится гражданской войны. А в стране, где доминирует пропаганда, она случится обязательно.

Настоящие журналисты — это дипломаты общественного согласия, а настоящая журналистика — затянувшиеся мирные переговоры. Любое государство начинается с прекращенной войны. Генералы передают достигнутый мир политикам, те закрепляют его в политическом поле, а дальнейшая ежедневная борьба за общественное согласие переходит в руки журналистов. Наша профессиональная миссия — усложнять картину мира, без конца рассказывать людям друг о друге, не давать им погрузиться в мифологию ненависти. Единороссам рассказывать про белоленточников, хипстерам — про Нижний Тагил, чиновникам Минздрава — про рядовых врачей, «псам режима» — про «иностранных агентов», жителям Приморья — про жителей Кавказа. Любая вспышка ненависти, как правило, происходит на почве недостатка информации, а всеобщее озлобление — это прежде всего результат деградации общественных коммуникаций. Капитуляция полиции — последняя стадия гибели государства. Гораздо раньше происходит капитуляция четвертой власти. Причем, в отличие от несчастных и озлобленных беркутовцев, наш брат журналист в момент своего поражения выглядит триумфально. Ему аплодируют, его хвалят, у него теперь есть имя и знамя.

Перед нашими глазами теперь есть печальный, но очень наглядный пример Украины. То, что в ней произошло, — это результат не только безответственности политиков, своих и чужих. В не меньшей степени это результат преступной безответственности украинских журналистов. Их стремительного превращения в агитаторов, глашатаев, главарей, а затем и провокаторов.

Процесс деградации местной медиасреды шел долго, но неотвратимо. Нормальных, обыкновенных журналистов с маленькой буквы «ж» становилось все меньше. А количество по-настоящему профессиональных коллективов накануне беспорядков и вовсе можно было посчитать по пальцам одной руки, даже если два загнуть. Этого слишком мало для жизнеспособного государства.

Вы, наверное, еще не поняли, поэтому я повторю. Пропаганда опасна не тогда, когда она пропагандирует что-то нехорошее. Массированная пропаганда опасна сама по себе, как метод. Неважно, белых ты творишь

или черных. Важно, что с мозгом пропагандируемого при этом происходят необратимые злокачественные изменения. Агитационный метод подачи информации имеет право на узкое применение: встреча кандидата с избирателями, патриотическое воспитание солдат, корпоративный тренинг, ну или внешняя пропаганда, которая призвана ослабить конкурента. Если же «агитационной болезнью» заражается собственная журналистская элита — обществу конец. И тут уже неважно, что именно эта «элита», хором или вразнобой, будет пропагандировать — светлые идеалы коммунизма, зубовой скрежет фашизма, бесценные ценности демократии или европейский вектор развития. Пропаганда — это современная версия родоплеменного боевого танца, ритм тут важнее слов, а бой последует обязательно, такова неотвратимая сила жанра.

Именно так, а никак не иначе выглядит наше журналистское предательство — профессиональное и гражданское.

На какую сторону баррикад капитулировать — тоже неважно. Взаимопонимание в обществе очень легко уничтожается не только при помощи антигосударственной риторики. Пропагандистская машина столь же разрушительна в руках власти, сколь и в руках ее противника. От перемены мест слагаемых в процессе дегуманизации оппонента сумма не меняется. Это все одно и то же черное топливо ненависти, которое легко наливается в любые сосуды. И этому тоже учит украинский опыт. Развращенные работой на государственную пропагандистскую машину, бывшие журналисты очень легко пересели на машинку антигосударственную. Но вот ходить собственными ногами они уже не научатся никогда.

Я еще раз повторю самую главную мысль этого текста, потому что она слишком проста, чтобы уяснить ее даже со второго раза. Реальная журналистика, которая не «сплачивает» общество, а обременяет его узами взаимопонимания, — это мощнейший фактор стабильности и стопроцентная страховка от гражданской войны. В отличие от журналистов агитаторы учат реальность упрощать, а самая простая реальность, какая только может быть, — это война. В ней нет ничего лишнего: есть только враг и самый простой способ его устранить. Иссушенный какой бы то ни было пропагандой мозг встает на путь прогрессирующего упрощения, и дальнейший процесс дегуманизации почти необратим. В какой-то момент человек начинает просто жаждать войны, потому что в этом проклятом мирном, сложном человечестве ему тяжело, он задыхается, его мозг разучили дышать. Делаем выводы, уважаемые российские коллеги, делаем выводы.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

